П. Н. КРАСНОВЪ.

СТЕПЬ.

Разсказы

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „ГРАДЪ КИТЕЖЪ"
БЕРЛИНЪ
1 9 2 3 г.

П. Н. КРАСНОВЪ.

СТЕПЬ.

Разсказы

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „ГРАДЪ КИТЕЖЪ“.
БЕРЛИНЪ
1922

— Печатано въ типографіи Об-ва „ПРЕССЕ“. —
Berlin S. W. 19. Leipzigerstr. 59.

СТЕПЬ.

Посвящается Іосифу Всеволодовичу Кульгавову.

Оглавленіе.

I.

Степь... Какое короткое слово, а какое широкое понятіе изображаетъ! Она раскинулась, плоская и далекая, на многія версты ровная, безъ балокъ и возвышеній, безъ кустарника и лѣса. Синее небо и чернокоричневая земля — куда ни глянь. Торчатъ тамъ и тамъ сухія колючки, да широкая степная дорога глянцевыми колеями вьется и крутится по степи, безъ столбовъ и телеграфа.

Всюду равнина, всюду и вездѣ все одинаково. Синее небо блѣднѣетъ къ краямъ горизонта, розовѣетъ, бурѣетъ и незамѣтно сливается съ землею, безъ рѣзкой полосы. Утопаетъ въ прозрачной дымкѣ затуманившейся дали.

Блеснула полоска льду. На нее набѣгаютъ мутно-желтыя волны какого то озерка, рѣчка въ глубокомъ оврагѣ, незамерзшая, но и тихая, покойно течетъ, откуда то и вливается въ озеро. Показались корявыя ветлы, обступили дорогу и вошли на грязную плотину, сложенную изъ земли и навоза. Мостикъ съ грубыми и прочными пе-

рилами. Вправо сонная степная рѣчушка, влѣво озерко.

Насыщенный озономъ, пахнущій дѣвственной землею и сухими травами воздухъ степи, холодный и свѣжій, обжигающій лицо сталъ будто теплѣе. Пахнуло кизечнымъ ѣдкимъ дымкомъ, навозомъ, жильемъ. Тишина степи, нарушавшаяся только короткимъ щебетаніемъ сѣрыхъ хохлатыхъ жаворонковъ, наполнилась гоготаніемъ гусей и криками куръ и пѣтуховъ. Кудлатая, съ острою мордою, похожая на волка, собака съ лаемъ набросилась на лошадей и проводила коляску черезъ греблю. Въ порывѣ собачьяго усердія она обрывалась въ грязи, чуть не упала въ воду и снова неслась, звонко и весело лая. Здѣсь такъ рѣдки посѣтители! Такъ рѣдко можно вдоволь насладиться и лаемъ и скачкой за тройкой добрыхъ лошадей!!

За плотиной тополя. Они росли прямоугольникомъ вдоль жердевой ограды и скрывали бѣлый низенькій домикъ, стоявшій въ глубинѣ сада и ряды карявыхъ и кривыхъ яблонь, посаженныхъ въ стройномъ порядкѣ за тыномъ.

Лѣвѣе сада просторный дворъ, образованный длинными глинобитными коричневыми сараями, крытыми, гдѣ соломою, гдѣ желѣзомъ, службы, навѣсъ, подъ которымъ выстроились въ дружномъ порядкѣ коляски, телѣги, плуги, сѣялки, сѣнокосилки и вѣяли, за дворомъ, на грязной землѣ, истоптанной копытами, вязкой и черной, неподвиж-

ныя, какъ изваянія, стоятъ большіе краснорыжіе быки, обросшіе длинною зимнею шерстью.

Это зимовникъ Тополькова, Семена Данилыча. Проѣзжайте верстъ двадцать на сѣверъ по пустынной степи и вы увидите такія же ветлы, и греблю изъ соломы и грязи и тополя вокругъ сада, такъ же вдругъ пахнетъ соломеннымъ дымкомъ, загогочутъ бѣлые гуси и мохнатая собака проводитъ съ лаемъ вашъ экипажъ и такіе же красные волы, какъ изваянія дремлютъ подлѣ двора въ черной и липкой густо натоптанной ногами грязи. Это будетъ тоже зимовникъ Тополькова, но уже Ивана Даниловича.

Проѣзжайте 20 верстъ къ югу и опять та же картина. Только домъ побольше, крыльцо со стекляннымъ балкономъ, службы просторнѣе и тополя гуще и выше — это зимовникъ Полякова, Петра Ивановича, а потомъ и еще въ двадцати верстахъ зимовникъ и опять Полякова, но уже Николая Ивановича... и такъ вся степь, такая пустынная, безотрадно глухая и скучная зимою, степь словно море, но море тихое и темное, покрыта маленькими гнѣздами-зимовниками коннозаводчиковъ-помѣщиковъ.

Раннее погожее утро. Еще и зимы не было и снѣга не видали, а уже на весну потянуло и въ солнечномъ пригрѣвѣ, какъ стальныя заблестѣли колеи широко наѣзженной дороги. Приподнялся было въ воздухѣ жаворонокъ, началъ пѣть любовную пѣсню, да, видно, холодно стало въ

голубой небесной выси, быстро опустился къ сѣрой птичьей стайкѣ хохлатокъ и побѣжалъ съ ними вдоль дороги... А потомъ всѣ вспорхнули, какъ по командѣ и полетѣли, весело перекликаясь, прямо на сѣверъ...

На мосту стоитъ высокій и худой старикъ съ темнымъ обвѣтреннымъ степною непогодою лицомъ, съ сѣдыми густыми усами. Это Топольковъ Семенъ Данилычъ, хозяинъ зимовника. Онъ въ черной бараньей шапкѣ съ алымъ когда то, утратившимъ теперь цвѣтъ, верхомъ и черной бараньей шубѣ съ высокимъ воротникомъ, откинутымъ на плечи. На немъ смазные мужицкіе сапоги, а въ рукахъ у него тяжелая палка.

Сѣрые глаза изъ подъ густыхъ нависшихъ сѣдыхъ бровей пытливо смотрятъ въ степную даль. Топольковъ ждетъ пригона лошадей на водопой изъ степи.

Вотъ на горизонтѣ показалась густая колонна. Она вытянулась, развернулась — точно полкъ кавалеріи учился въ степи, замаячили конныя фигуры калмыковъ-табунщиковъ и быстро надвинулся большой, еще смѣшанный по зимнему, табунъ и обступилъ озеро рыжею массою лошадиныхъ тѣлъ, обросшихъ густою и длинною шерстью.

Ожила степь съ приходомъ своихъ хозяевъ. Раздалось фырканье, гоготанье жеребцовъ, ласковые вздохи кобылъ, завизжали жеребята, норовя поиграть и ударить другъ друга копытомъ.

Къ Тополькову подошелъ его управляющій, такой же высокій, въ такой же шапкѣ и шубѣ, въ такихъ же сапогахъ съ ремешкомъ подъ колѣномъ; у него лицо безъ усовъ и бороды, широкое и красное съ узкими косыми глазами, выдающими его монгольское происхожденіе.

— Истинно лошадиное царство, Семенъ Даниловичъ, проговорилъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ.

— Да, съ незапамятныхъ временъ лошадь здѣсь водится, сказалъ Топольковъ. Я сороковой годъ живу, да до меня на зимовникѣ сидѣлъ Затураевъ, а до него князь Трубецкой, а тамъ шли зимовники Великаго Князя, а до нихъ были графскіе...

— А еще раньше наши татарскіе, да сказываютъ, Семенъ Данилычъ лѣтъ двѣсти, а то и триста тому назадъ здѣсь дикая лошадь, неприрученная водилась.

— Эка сказалъ тоже, возразилъ Семенъ Даниловичъ, триста лѣтъ! Да мой отецъ сказывалъ, что въ его времена приходили дикіе жеребцы въ табуны и отбивали кобылъ... Это какъ желѣзная дорога прошла, да коннозаводчиковъ много понасѣло, да пахать машинами стали, да баранъ и быкъ пошли — ну вотъ лошадь то и посократилась. Не стало ей, значитъ, свободы и приволья...

Управляющій промолчалъ. За тридцать лѣтъ службы у Тополькова и жизни съ нимъ бокъ о

бокъ онъ привыкъ думать съ нимъ одними мыслями и соглашаться съ нимъ во всемъ. Да и степь не пріучаетъ къ болтливости. Сама молчаливая она и людей дѣлаетъ молчаливыми. Промолчать часа три, сидя рядомъ на крылечкѣ для Тополькова и его управляющаго Ахмета Ивановича Курманаева было дѣломъ обыкновеннымъ.

Лошадь молчитъ, да мысли свои сосѣдкѣ передаетъ, такъ и Топольковъ съ Курманаевымъ умѣли какъ то обмѣниваться мыслями молча, по лошадиному.

И только, когда начинали они говорить о достоинствахъ одной лошади передъ другой, или вспоминали успѣхи на выставкахъ, или при сдачѣ ремонта въ кавалерію, они оживлялись и рѣчь лилась, переходя даже въ споръ, иногда часами. Загорались тогда острымъ огнемъ глаза Семена Данилыча и безпокойные огоньки метались въ узкихъ раскосыхъ глазкахъ Ахмета Ивановича.

Въ лошадяхъ была вся ихъ долгая жизнь, въ нихъ были ихъ мысли, ихъ думы, онѣ были продуктомъ ихъ сознательнаго творчества!

— А, смотри, Ахметъ Иванычъ, Комиковичи то и посейчасъ всѣ вмѣстѣ держатся. Не смѣшиваются съ другими. Точно чуютъ, что братья и сестры, хотя и разныхъ матерей, сказалъ Семенъ Даниловычъ.

— Да, и кто бы могъ подумать, что отъ Комика дѣти такія ладныя пойдутъ. Помнишь, Семенъ Да-

нилычъ, какъ привели его со скачекъ. Да худой же былъ, жилы опухшія, да вялый!

— Устанешь, дорогой мой. По два раза въ недѣлю на скачку пускали. Хозяинъ хотѣлъ выжать изъ него болѣе, чѣмъ можно.

— Азартъ, Семенъ Данилычъ.

— И то — страсть! Ну, да за то и дешево онъ намъ достался.

— А что Семенъ Данилычъ, знакомый твой командиръ полка, не писалъ тебѣ, каково служатъ наши лошади на войнѣ?

— Гмъ, — самодовольно улыбаясь крякнулъ Топольковъ. — Какъ не писать! Я когда въ Черкасскомъ былъ письмо получилъ, вотъ и забылъ сказать. Память то у меня, Ахметъ Ивановичъ, прости, стариковская стала.

— Писалъ... Все писалъ. Вѣдь къ нему премированныя попали. Помнишь — двѣ отъ Калліостро, три конька и одна кобылка отъ Хваворита, четыре кобылки отъ Хомера, конекъ и двѣ кобылки отъ Калихулы, еще отъ кого, не упомню, кобылка, свѣтленкая... бѣлогривка...

— Отъ Абеяна, подсказалъ Ахметъ Ивановичъ.

— Ну вотъ отъ Абеяна!.. Да нешто такъ? Да вѣдь, отъ Абеяна то конекъ былъ, нѣтъ не отъ Абеяна, а отъ Абрека, ну, помнишь, ее еще Купавой назвали, на «К» ремонтъ тогда шелъ.

— Ахъ, да красива была.

— Да, на рѣдкость. Такая рубашка была, что думали въ Ахтырскій (*) попадетъ. Нѣтъ, попала со всѣми, въ драгуны.

— И вы ихъ всѣхъ видали уже въ полку?

— Да всѣхъ же! На второмъ году. Повѣришь ли, Ахметъ Ивановичъ, еще больше вершка дали. Выше отцовъ стали.

— Что уходъ дѣлаетъ, проговорилъ Ахметъ Ивановичъ.

— Да, гладкія, да блестящія стали, какія лошади. «Коневатыя» лошади.

— Ну, а на войнѣ какъ?

— Да, пишуть, ни австріецъ, ни нѣмецъ уйдти отъ нихъ не могутъ.

— Что значитъ въ степной шири родились, да выросли.

— И не поѣдятъ иной разъ, да работаютъ.

— Ну это то — голодать имъ не привыкать стать. Помнишь, Семенъ Даниловичъ, нѣмецъ къ намъ пріѣзжалъ, вотъ ужъ въ какомъ году не упомню. Сказывали, самый дошлый ихъ нѣмецъ по коннозаводческой части, такой нѣмецъ, что ну ты и только! Вотъ ужъ восхищался лошадьми. Ахъ какъ его! Графъ Лен... Лем... Мен... Мендорфъ что ли?

(*) Лошади въ регулярную кавалерію комплектуются по мастямъ. Въ драгунскіе полки — гнѣдыя и караковыя, въ нечетные гусарскіе — вороныя, въ четные — сѣрыя, 12 Гусарскій Ахтырскій полкъ получалъ лошадей буланыхъ и соловыхъ.

— Графъ Лендорфъ, — напомнилъ Топольковъ. А на выставкѣ, Иванычъ, въ Москвѣ! Что было на выставкѣ, какъ вывели нашу ставку на паддокъ-двадцать кобылокъ ремонтнаго возраста и всѣ, какъ одна — рыжія, свѣтлыя, червонцами горятъ, шеи, головки, глаза, ни тебѣ проточины, ни отмѣтины, сестры родныя такъ одинаковы не будутъ. Тутъ англичане, американцы, нѣмцы, французы, какъ обступили, да говорятъ мнѣ: — да, что вы ихъ изъ глины что ли по лекалу лѣпите, что онѣ такія у васъ одинакія. А я, знаешь, и говорю — лѣпимъ, говорю, господа нѣмцы, только не изъ глины, а изъ земли, изъ степной земли нашей, цѣлины непаханной, да солнцемъ могучимъ приправляю, да вѣтромъ, хозяиномъ степи продуваю, да прокаливаю, чтобы крѣпче, да суше были.

— Да, истинно такъ.

— Пошли потомъ въ обмѣръ. И подпругу тебѣ мѣрили, и охватъ подъ колѣномъ — какъ одна!

— Да, что жъ, Семенъ Даниловичъ, вѣдь и правда — лѣпимъ по лекалу. Помнишь — лѣтъ двѣнадцать, а то можетъ быть и пятнадцать тому назадъ, вышелъ приказъ, чтобы, значитъ не менѣе трехъ вершковъ ремонтъ былъ, ну и дали. Дали и четыре и пять — сколько хочешь!

— А все, Ахметъ Ивановичъ, замѣть, самая ладная лошадь, которая отъ 2 до 3 вершковъ, а что выше непремѣнно тебѣ съ изъяномъ какимъ нибудь будетъ лошадь. Уже что нибудь въ ней да не такъ будетъ.

— То же Семенъ Данилычъ, помнишь, какъ кровь потребовали. Ваша, молъ, лошадь простая, грубая, подайте кровь, ну и подали...

— Да, Иванычъ, не въ одну копѣйку намъ кровь то эта стала! Господи, что кобылъ перепортили!! То цыбастые, то тонконогіе пошли жеребята, совсѣмъ въ упадокъ духа впадать стали, пока направились. Медленное наше дѣло, Иванычъ! Ошибешься часомъ — годами поправку дѣлать приходится. Одни изъ нашихъ погнались за аттестатомъ, да за рѣзвостью. Въ Англіи, молъ, такъ дѣлается, — который молъ жеребчикъ рѣзвѣе всѣхъ на скачкѣ, тотъ и производитель отличный, ну а степь то по своему повернула. Рѣзвость, молъ, рѣзвостью, а ты мнѣ и фигуру дай.

— Понимали мы это дѣло, Семенъ Данилычъ, да скупость мѣшала. Вѣдь за жеребца то раньше мы четыреста, да пятьсотъ рублей плачивали, а тутъ на те, выньте-ка шесть, семь тысячевъ, поневолѣ задумаешься.

— Ну и пораззорился тогда кое кто.

Табунъ напился и, весело играя, пошелъ въ степь. За нимъ замаячили калмыки въ малахаяхъ, прикрывавшихъ ихъ красныя, обвѣтренныя на степномъ морозномъ вѣтру лица, лоскутками бараньей кожи.

И снова степь стала черная, безлюдная, пустынная, безъ единаго предмета, безъ единаго живого существа на всемъ пространствѣ до самаго горизонта...

II.

Жизнь въ степи, на зимовникѣ — особая жизнь. Только жизнь на кораблѣ можетъ сравниться съ этой жизнью. Тамъ бури, когда жестокія волны бьютъ со страшною силою въ борты корабля, когда стонетъ дерево бортовъ, скрипятъ мачты и гудятъ ванты, когда жизнь человѣка въ опасности и человѣкъ ближе къ смерти, и ближе къ Богу. Тамъ — человѣкъ за бортомъ — значитъ погибъ, утонулъ, и море не выдастъ костей его для погребенія. И здѣсь — заревет зимою степной буранъ, начнетъ трясти домъ, стучать желѣзною крышею, гнуть тополя сада; рвать соломенные навѣсы. Собьется въ тѣсную кучу весь табунъ лошадей, станетъ хвостами къ вѣтру, а напротивъ на особыхъ «укрючныхъ» лошадяхъ стоятъ верховые калмыки. Имъ вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо. Дуетъ часами, сутками... Обмерзаютъ привычныя щеки и кожа и мясо лоскутками падаютъ съ нихъ. А они стоятъ и не смѣютъ сойти. Они знаютъ, что, если сойдутъ, то табунъ сорвется и понесется по вѣтру, гонимый ужасомъ, который охватываетъ иногда лошадей. Подавятъ, покалѣчатъ жеребятъ, запалятся лучшіе кони. Бывало, что табунъ добѣгалъ въ этомъ ужасѣ до Чернаго моря и съ крутого обрыва падалъ внизъ, разбивался и тонулъ весь до послѣдняго. Если заблудитъ въ эту снѣжную бурю въ степи одинокій путникъ, или собьется съ пути тройка, окажется, какъ въ морѣ

за бортомъ, и погибнетъ, какъ гибнетъ лодка въ морѣ. Степь не выдастъ костей ихъ. Занесетъ снѣгомъ, весною волки, да вороны растащутъ трупъ, если тѣло не откроютъ раньше въ степи зоркіе глаза калмыка.

Въ морѣ корабль заходитъ въ порты. Шумитъ веселая портовая жизнь, гремитъ музыка въ приморскихъ трактирахъ и притонахъ. День, два, иногда недѣля проходитъ въ шумныхъ удовольствіяхъ, пирушкахъ и попойкахъ, и снова корабль, переборки каютъ, тусклое окно иллюминатора и мѣрный бѣгъ корабля по однообразному морю. Опять узкіе интересы корабельной жизни и сегодня тѣ же лица, что были вчера, что будутъ завтра.

Въ степи тоже спокойная жизнь зимовниковъ нарушается событіями. Пріѣзжаетъ ремонтная комиссія. Это все равно, что смотръ адмирала на кораблѣ. Все загодя чистится и скребется на зимовникѣ. Отбиваютъ «ремонтъ», ставятъ его на овесъ, оповаживаютъ, оглаживаютъ, чистятъ. Шумной компаніей наѣзжаютъ ремонтеры. Идетъ торжественная выводка красавцевъ жеребцовъ, потомъ выводка и осмотръ молодежи, идущей въ запасные полки. Отобраннымъ лошадямъ ставятъ масляной краской номера на шерсти, ихъ забираютъ и уводятъ на желѣзную дорогу. А на зимовникѣ шумитъ веселый обѣдъ, подано вино, заколоты лучшіе индюки, гуси и утки и идетъ разговоръ, все о томъ-же: — о лошадяхъ.

И, когда кончатъ, — сядетъ комиссія въ коляски, запряженныя лихими тройками и четвериками, раздадутся послѣднія пожеланія счастливаго пути и вотъ уже загремѣли колеса по мосту на греблѣ. Улеглась черная пыль между ивами плотины и опять тишина въ усадьбѣ, прерываемая гоготаніемъ гусей, да клохтаньемъ куръ. И еще болѣе одиноко станетъ на зимовникѣ. Съ ремонтными лошадьми уйдетъ частица души и сердца коннозаводчика. Онъ ихъ задумалъ еще тогда, когда отбиралъ кобылъ въ косякъ для жеребца, онъ видѣлъ ихъ слабыми, маленькими сосунками при матеряхъ въ холодной весною степи, онъ слѣдилъ за ихъ ростомъ и регулировалъ его кормомъ. Онъ любилъ ихъ, какъ художникъ любитъ свою картину и авторъ свое произведеніе, но онъ почти никогда не увидитъ ихъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты, выкормленными и выхоленными военными лошадьми. Иногда дойдетъ до него слухъ, большею частью скажутъ ему при пріѣздѣ слѣдующей ремонтной комиссіи: — «а вы знаете, Семенъ Даниловичъ, та буренькая то, что въ позапрошломъ годѣ у васъ взята, отъ Каліостро, подъ командиромъ полка ходитъ. Такая нарядная вышла лошадь!»..

Сердце Семена Даниловича и еще того болѣе простое, но честолюбивое для «нашихъ» лошадей, сердце Ахмета Ивановича наполнится какимъ то родительскимъ восторгомъ. «Буренькую» начинаютъ вспоминать. «Да, она еще и жеребенкомъ себя

показывала. Въ два года была такая правильная, такая правильная — ну прямо статую съ нее лѣпить можно».

— Да, вздыхая скажетъ Семенъ Даниловичъ, дѣти Каліостро оправдали себя. Вѣдь вотъ поди-жъ ты и не чистокровный онъ, у графини Маріи Евстафьевны Браницкой купленъ, а дѣти его лучшія.

И пойдутъ вспоминать.

— Хоть бы портретъ этой буренькой достать, скажетъ Ахметъ Ивановичъ.

Ремонтеры пообѣщаютъ добыть портретъ, но потомъ за дѣлами и разъѣздами позабудутъ обѣщаніе и образъ «буренькой »исчезнетъ, какъ и воспоминаніе о многихъ сотняхъ лошадей, которыя вѣрою и правдою служатъ въ Россійской кавалеріи.

Осенью на зимовникѣ много заботъ и хлопотъ, какъ на кораблѣ въ порту. Продаютъ хлѣбъ, быковъ, шерсть, барановъ, ликвидируютъ урожай полей, пріѣзжаютъ маклера и скупщики, часто и самъ хозяинъ ѣздитъ въ станицу на элеваторъ и въ банки получать, платить, выкупать, вкладывать, вынимать и лишь глубокою осенью, когда степь развезетъ отъ дождей, затихнетъ зимовникъ и уснетъ до самой весны.

Иногда лѣтомъ предприметъ коннозаводчикъ поѣздку на скачку въ поискахъ за чистокровными жеребцами. Кровь въ табунахъ освѣжить и приподнять. Со «многими тысячами» въ карманѣ, въ старомодномъ, небрежно сшитомъ портнымъ изъ

станицы костюмѣ, широкоплечій и рослый, кряжистый, съ лицомъ обвѣтреннымъ, и обожженнымъ степнымъ воздухомъ появляется Семенъ Даниловичъ въ компаніи съ другими хозяевами зимовниковъ на паддокѣ столичныхъ скачекъ. И всѣ знаютъ, что «коннозаводчики изъ степей пріѣхали». Ихъ какъ не узнать! Своей компаніей судятъ и рядятъ они предлагаемыхъ имъ скакуновъ и все говорятъ — «намъ ты не однѣ секунды подай, а чтобы самъ то онъ изъ себя былъ «коневатый», фигура, чтобы въ ёмъ была видна».

Кряхтя и охая платятъ они «многія тысячи» за жеребца и везутъ его къ себѣ въ степь, въ особое помѣщеніе для очень дорогихъ производителей. Въ столицѣ они не засиживаются. Въ театрахъ и кафе ихъ почти не видно. Сдѣлали кое какія хозяйственныя закупки, посмотрѣли нѣтъ ли чего новаго для имѣнія и по домамъ... Тамъ ждетъ медленное кропотливое дѣло.

Лишь черезъ три, четыре года, лишь при сдачѣ ремонта станетъ видно оправдала себя покупка или нѣтъ. А если не оправдала, то, кто виноватъ — жеребецъ ли, или коннозаводчикъ, который не сумѣлъ подобрать кобылъ. Нужны новые и новые опыты, иныя скрещиванія, а годы идутъ и идутъ и уходитъ жизнь.

Иногда, какъ буря ломающая мачты и рвущая ванты корабля налетятъ на зимовникъ несчастія. Повальный сапъ уничтожитъ табуны, цѣлые десятки кобылъ, отъ которыхъ такъ много ждалъ

коннозаводчикъ, дадутъ выкидыши, вмѣсто визгливаго ржанія лошадиной молодежи въ цвѣтущей весною степи печальныя и одинокія ходятъ кобылы... Тамъ погорѣлъ хлѣбъ на корню, побило градомъ весь урожай. Наступаютъ черные дни. Изъ банковъ достаются сбереженья, накопленное годами уходитъ въ одинъ годъ. Не до покупки новыхъ жеребцовъ, не до освѣженія кобылъ чистокровными экземплярами и на цѣлые годы изъ за одной такой бури зимовникъ падаетъ и теряетъ свою репутацію. Возстановить ее нужны годы кропотливой работы.

Въ маленькой, полутемной отъ занавѣсокъ и растеній — фикусовъ, олеандровъ и араукарій, поставленныхъ въ кадкахъ у окна, гостиной, по стѣнамъ висятъ старыя и новыя фотографіи. Иныя давно выцвѣли, впали въ печально рыжій тонъ и лишь контуры остались отъ нѣкогда яркаго изображенія. Сняты лошади. Однѣ подъ сѣдлами, на которыхъ сидитъ офицеръ въ бѣломъ кителѣ, или жокей, другія на выводкѣ съ калмыкомъ, картинно разставившимъ руки, иныхъ держитъ самъ Семенъ Даниловичъ, но Семенъ Даниловичъ молодой, съ черными усами и лихо надѣтой на черные кудри фуражкѣ, иныхъ держитъ Ахметъ Ивановичъ въ парадномъ шелковомъ халатѣ и маленькой шапочкѣ чернаго шелка на головѣ.

Подъ фотографіями выцвѣтшія, порыжѣлыя отъ времени, каллиграфически выведенныя подписи. Тутъ и Комикъ, и Каліостро, и Гомеръ, и

Абрекъ всѣ нынѣшніе жеребцы завода. Съ выцвѣтшей фотографіи подъ офицеромъ въ бѣломъ кепи смотритъ н авасъ, весь бѣлый, маленькій, большеглазый Малекъ-Адель, съ датой 1879 года, есть и еще более старый портретъ 1864 года, но онъ весь сгорѣлъ отъ времени и только хозяинъ знаетъ, что это знаменитый Рустамъ, поколѣнія котораго на заводѣ не осталось, но сынъ котораго ходилъ подъ Императоромъ Александромъ II. Это гордость завода. О его видѣ, рѣзвости и умѣ на заводѣ остались только легенды.

— Такихъ лошадей больше нѣтъ и не будетъ, всегда говоритъ, разсказывая про него, Семенъ Даниловичъ.

Тутъ же висятъ и снимки съ косяковъ, нѣкоторыхъ любимыхъ кобылъ съ сосунками и молодежи, получившей преміи ремонтной комиссіи, или медали на выставкахъ. Подъ ихъ фотографіями въ маленькихъ рамочкахъ въ плюшевомъ фонѣ вдѣланы и ихъ медали.

Въ гостиной стоитъ софа съ кавказскими вышивками, круглый столъ со старомодной керосиновой лампой, другой столъ съ книгами и журналами и нѣсколько креселъ. Журналы спеціальные — «Журналъ Коннозаводства и Коневодства», «Русскій Спортъ», «Сельскохозяйственный Вѣстникъ», аккуратно за многіе годы получается «Нива» и «Русское Слово», пожелтѣвшіе, покрытые пылью, положенные высокою стопкою. Читать и слѣдить за жизнью и политикой некогда. То оторветъ по-

ѣздка въ станицу на нѣсколько дней, то работы въ степи, то весь день прошелъ въ табунѣ, а когда не читаешь газеты изо дня въ день — она и не тянетъ. Да и почта приходитъ неправильно. Больше съ «оказіей». То недѣлю нѣтъ ничего, то сразу завалитъ газетами.

Живутъ слухами. Живутъ тѣмъ, что «говорятъ» и какъ ни нѣма и безлюдна на первый взглядъ черная степь, въ ней такъ много «говорятъ»...

III.

Семенъ Даниловичъ съ Ахметомъ Ивановичемъ медленно прошли черезъ грязный дворъ къ высокой и свѣтлой недавно построенной конюшнѣ для заводскихъ жеребцовъ. Когда они открыли большія ворота на нихъ пахнуло тепломъ, запахомъ полыни и тѣмъ особымъ запахомъ степной травы, соломы, навоза и лошади, который только и бываетъ въ степныхъ конюшняхъ. Запахомъ пріятнымъ, свѣжимъ и бодрящимъ.

Со всѣхъ денниковъ раздалось ржаніе. Первымъ отозвался старикъ Абрекъ, за нимъ Калліостро и Гомеръ, и пошло по всѣмъ восьми денникамъ радостное гоготаніе.

Красивыя конскія головы съ большими темными, какъ сливы, блестящими глазами устави-

лись въ желѣзныя рѣшетки денниковъ, ожидая ласки человѣческой руки и подачки.

Къ хозяевамъ со двора пришолъ старый калмыкъ нарядчикъ.

— Ну, что же — Ашаки, выводку, — сказалъ Семенъ Даниловичъ.

Это любимое развлеченіе Тополькова. Смотрѣть дорогихъ, выхоленныхъ, раскормленныхъ на овсѣ жеребцовъ, вспоминать ихъ побѣды на скачкахъ, любоваться ихъ формами, еще и еще разъ запечатлѣвать эти формы въ своемъ мозгу, чтобы потомъ легче было весною подъ каждаго подобрать соотвѣтствующихъ кобылъ. Кричать властнымъ голосомъ: — «а ну проведи! поставь, возьми на длинный поводъ, не давай играть», бранить конюховъ и хозяйскимъ взглядомъ примѣчать каждую пылинку на шерсти, незамытое копыто какую нибудь царапину, или помятость.

Тамъ сотни лошадей ходили въ степи, грязныя съ длинной шерстью, облипшей черноземомъ и глиною, тощія и худыя, питаясь старою травой, которую копытомъ приходилось выбивать изъ подъ ледяной коры, здѣсь эти восемь красавцевъ, отборныхъ жеребцовъ холились и береглись, какъ картинки.

— Нельзя выводку,—печально сказалъ калмыкъ.

— Почему нельзя?—спросилъ Семенъ Даниловичъ,

— Тамъ, бачка, такое дѣло, такое дѣло! Лошадей и не чистили сегодня совсѣмъ, я напоилъ, корма задалъ, вотъ и все.

— Почему же не чистили? Что они пьяны что ли?

— Хуже, чѣмъ пьяны. У насъ, бачка, бунтъ будетъ.

— А вотъ оно что! Позови Парамоныча.

Давно ходили по степи слухи, что коннозаводчикамъ конецъ. «Довольно землей владѣли казачьей, наша теперь земля»—говорили казаки и крестьяне и жадно приглядывались къ необъятному степному простору... Но это были давнишніе разговоры. Коннозаводчики и военное министерство аккуратно платили войску арендную плату и «справедливое вознагражденіе», пріѣзжали и уѣзжали ремонтныя комиссіи, брали лошадей «на войну» и степь жила прежнею, медленною, размѣренною жизнью. Мало ли что говорили, на все есть законъ и право.

Парамонычъ пришелъ не одинъ. Съ нимъ была старуха Савельевна, экономка и домоправительница. Она плакала и старикъ Парамонычъ былъ не веселъ.

— Что случилось? Почему ребята не были на чисткѣ? Гдѣ они? — спросилъ Семенъ Даниловичъ.

— У себя въ избѣ. Заперлись еще съ вечера, не выходятъ. Не хотимъ, говорятъ, буржуямъ служить. Сами все возьмемъ.

— Ой батюшки, заголосила Савельевна, — да что замышляютъ то. Бить, говорятъ, будемъ буржуевъ, да коннозаводчиковъ. А мы, родный, какъ же будемъ то! Насъ то вѣдь съ калмыками, почитай, сорокъ душъ возлѣ завода кормится, мы то куда дѣнемся. Старые мы люди, куда мы пойдемъ?

— Ну, успокойся Савельевна, — сказалъ Семенъ Даниловичъ, все это вздоръ.

— Какой же это, батюшка, вздоръ, когда ко мнѣ приходили... Три дня, говорятъ, тебѣ, старуха, сроку жить въ твоей хатѣ, а потомъ, чтобъ и духу твоего здѣсь не было, комитетъ какой то здѣсь станетъ,—голосила Савельевна.

— Комитетъ? Что за комитетъ,—спросилъ у Парамоныча Топольковъ.

— Да, видите, Семенъ Даниловичъ, дѣла какія. Пришли вчера ночью съ хутора двое. Казакъ, да солдатъ и всѣхъ замутили. Вышелъ, молъ, приказъ, дѣлить землю и все отъ коннозаводчиковъ забирать. И лошадей, и скотъ, и овецъ — все подѣлить.

— У Полякова, бачка, вмѣшался калмыкъ, вчера казаки лошадей разобрали.

— Какихъ лошадей, кто говорилъ?

— Калмыкъ ихъ нашему калмыку говорилъ. Большевики какіе то съ фронта пришли, первое жеребцовъ забрали и ремонтную молодежь угнали, Поляковъ поѣхалъ въ Черкасскъ жаловаться.

— Но по какому праву!, вырвалось у Тополькова.

— Права, Семенъ Даниловичъ, они никакого не признаютъ,—заговорилъ Парамонычъ. — Довольно, говорятъ они нашимъ ребятамъ, буржуи кровушку нашу пили. Пошабашимъ съ ними и все ихнее намъ достанется.

— Что за слово такое буржуи? Никогда у насъ такого и слова въ степи не было,—сказалъ Семенъ Даниловичъ.

— Да и не было, истинная правда, батюшка, — воскликнула Савельевна. — Все это отъ него, отъ антихриста этого самого.

— Ну вотъ что. Неча пустое брехать, не собаки. Пойдемъ Ивановичъ, сдурѣлъ, видать, народъ.

— Охъ, не ходили бы, Семенъ Даниловичъ, посовѣтовалъ Парамонычъ, волками большевики смотрятъ.

Но Топольковъ пошелъ по натоптанной въ грязи тропинкѣ къ большой избѣ, гдѣ помѣщались конюха казаки и плѣнные австрійцы рабочіе.

Когда онъ властнымъ хозяйскимъ движеніемъ распахнулъ дверь, австрійцы выскочили одинъ за однимъ черезъ заднюю комнату,трое наемныхъ парней, жившихъ съ малыхъ лѣтъ при экономіи встали и взявшись за шапки попятились къ дверямъ, а на лавкѣ за столомъ осталось сидѣть два молодыхъ человѣка, незнакомыхъ Тополькову. Они оба были въ солдатскихъ шинеляхъ безъ погонъ и петлицъ, смахивавшихъ на арестантскіе халаты.

Одинъ съ круглымъ тупымъ лицомъ, съ узкимъ лбомъ, на который выпущена была длинная челка тщательно расчесанныхъ и подвитыхъ, какъ у дѣвушки волосъ, сидѣлъ опершись обоими локтями на столъ и, положивъ голову на ладони, улыбаясь смотрѣлъ на Тополькова. Другой, такой же безусый и безбородый, съ черными дугообразными бровями надъ длиннымъ и тонкимъ носомъ, какъ у хищной птицы, сидѣлъ, откинувшись спиною къ стѣнѣ хаты. Какая то тупая мысль копошилась въ его мозгу и отражалась на лицѣ, носившемъ печать совсѣмъ не идущей къ нему важности.

— Что вы за люди? — строго спросилъ Топольковъ. Сидѣвшій, опершись на локти, поднялъ глаза на Тополькова, улыбнулся циничной улыбкой, скосилъ глаза на конюховъ и сказалъ.

— Этотъ, чтоль, и есть буржуй то самый?

— Этотъ, — отвѣтилъ Прошка Минаевъ самый молодой изъ Топольковскихъ людей, любимецъ Семена Даниловича, не разъ ѣздившій съ нимъ въ Москву за жеребцами.

Наглый отвѣтъ взорвалъ Семена Даниловича и ободрилъ конюховъ, которые придвинулись ближе къ сидѣвшимъ, а Прошка, будто играя, взялъ лежавшее на лавкѣ ружье съ примкнутымъ штыкомъ.

— Ну вотъ что, товарищъ, заговорилъ примирительно черный, съ глазами хищной птицы и съ такимъ же хохломъ, пущеннымъ на лобъ, какъ у перваго, но Топольковъ прервалъ его.

— Я вамъ не товарищъ, рѣзко сказалъ Семенъ Даниловичъ, и я вась спрашиваю, на какомъ основанiи..., но сидѣвшій за столомъ человѣкъ перебилъ его.

— И вы намъ не начальникъ, чтобы кричать на насъ. Потому, какъ теперь всѣ равны, всеобщая революція провозгласила равенство демократіи всего міра и соціалистическія проблемы рѣшены властью совѣтовъ, выявленныхъ народомъ, земля и капиталъ стали всеобщимъ достояніемъ, не вы правомочны спрашивать у насъ на какомъ основаніи, а это мы, трудовое казачество и крестьянство явились спросить и не спросить даже, а указать вамъ ваше мѣсто и отобрать отъ васъ тѣ земли, которыми вы не по праву владѣете и тотъ капиталъ, который вы нажили кровью крестьянъ и казаковъ.

Голосъ его звучалъ рѣзко и звонко. Рѣчь лилась длинными періодами, чаруя конюховъ и вызывая какую то мучительную сосущую боль въ сердцѣ Тополькова. Если бы передъ нимъ остановился баранъ и, не давая ему дороги, сталъ бы упорно блеять ему въ лицо, вѣроятно такъ же заныло бы у него сердце отъ сознанія невозможности и безполезности возраженій, диспута, отъ безсилія человѣческой рѣчи и человѣческаго разума передъ этимъ упорнымъ бараньимъ блеяніемъ.

— Гы, — восторженно гмыкнулъ Прошка, — довольно кровушки нашей попили!

Топольковъ оглянулся. Онъ былъ одинъ въ комнатѣ конюховъ. Ахметъ Ивановичъ, Прохорычъ, Савельевна какъ то незамѣтно исчезли и на всемъ дворѣ, видномъ въ открытую дверь, не было ни души. Мертвая тишина была на немъ, въ саду и у его дома. Даже гуси притихли и курица перестала кудахтать.

Это безлюдье и тишина на дворѣ ударили въ самое сердце Семена Даниловича. Онъ понялъ, что онъ одинъ здѣсь... Одинъ, культурный работникъ, сорокъ лѣтъ просидѣвшій на зимовникѣ, отказавшійся отъ семейныхъ радостей, отъ свѣтлой и веселой жизни городовъ, отъ театровъ, отъ почестей и мишуры государственной службы и отдавшій себя всего этой великой, таинственной степи, рождающей лошадей и скотъ и теперь молчаливо предающей его этимъ новымъ людямъ, пришедшимъ рузрушить все то, что лѣпилось камень за камнемъ десятками лѣтъ труда, мышленія, безсонныхъ ночей и кропотливаго изученія тайнъ природы.

— Это земля не моя, а войсковая, и лошади на ней — достояніе государства, сдерживая себя и стараясь быть спокойнымъ, сказалъ онъ.

— Товарищъ, сказалъ ему опять сидѣвшій за столомъ. — Когда сознательный пролетаріатъ сбросилъ съ себя цѣпи капиталистовъ и провозгласилъ всеобщій миръ, онъ отказался отъ войска. Порабощенному военной службой казачеству, затянутому офицерами и дисциплиной, онъ противопоста-

вилъ новое трудовое казачество, которое пошло рука объ руку съ крестьянами и рабочими и теперь, когда уничтожена армія, опора капиталистовъ и буржуевъ, теперь не нужно ни самаго войска съ его землями, не нужно казачество и не нужно и самыхъ вашихъ лошадей.

— Гы, — снова гмыкнулъ Прошка и какъ попугай повторилъ — не нужно казачества, потому всѣ равны, всѣ товарищи. Довольно кровушки нашей попили!

Семенъ Даниловичъ безнадежно махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты...

IV.

Вся степь загорѣлась мятежомъ, какъ пожаромъ. Тихая и безлюдная наружно, она пылала внутри, раздираемая страстями, жаждою грабежа и наживы и никакіе комитеты уже не могли остановить, утишить эту жажду, не давъ ей утоленія.

На сотняхъ подводъ вдругъ наѣзжали къ зимовникамъ хуторяне и выбирали все, что можно: — плуги и бороны, запасы овса и хлѣба, увозили мебель изъ дома коннозаводчика, уводили лошадей, разгоняли табуны. Потомъ являлись комитетскіе, ѣздили по хуторамъ, отъискивали забранное и возвращали на зимовникъ. Но возвращалась только часть. Лучшіе жеребцы, лучшая часть молодежи пропадали безслѣдно, исчезали изъ степи за сотни

верстъ и хозяйство зимовника падало. Жаловаться было некуда, гражданская война разлилась по Дону и нигдѣ не было авторитетнаго начальства, приказанія которaго всѣми исполнялись бы.

Однажды, въ зимнюю туманную пору Ахметъ Иванычъ, выйдя на крыльцо Топольковскаго дома увидалъ своими зоркими степными глазами маленькую кучку людей, шедшихъ прямо степью на зимовникъ. На бѣломъ снѣгу ихъ темныя фигуры рѣзко выдѣлялись пятнами. Онѣ маячили, то сбиваясь въ одну кучу, то расходясь по одиночкѣ и Ахметъ Иванычъ видѣлъ, что они шли налегкѣ безъ вещей, съ одними ружьями, которыя несли не по солдатски, а неумѣло, какъ носятъ палку, или какой либо дрючекъ. Они шли размахивая руками, должно быть разговаривая и споря между собою. Уже стало видно, что ихъ шестеро и что одѣты они въ солдатскія шинели. Наконецъ стали слышны ихъ громкіе и грубые голоса. Говорили четверо, двое молчали и издали ихъ говоръ доносился, какъ непрерывное горготанье «грр, грр, грр»...

Они скрылись въ балочкѣ, вынырнули изъ нея и появились у самаго сада. Все незнакомые пришлые молодые люди, съ тупыми, озабоченными лицами и съ властными, наигранно властными голосами. Они остановились, увидавъ Ахмета Ивановича и не снимая шапокъ спросили:

— Вы чтоль хозяинъ будете?

— Я управляющій, сказалъ Ахметъ Ивановичъ.

— Намъ управляющаго не надо. Подавай намъ хозяина.

— Хозяинъ отдыхаетъ. Его безпокоить нельзя.

Это сообщеніе развеселило пришельцевъ.

— Наотдыхался и довольно. Буди его, товарищъ. Всѣхъ буржуевъ на работу поставимъ.

— Да вы, что за начальство. Кто васъ прислалъ?

— Мы то, подбоченясь и разставляя ноги, сказалъ самый молодой изъ нихъ, солдатъ съ блѣднымъ, испитымъ лицомъ, безусый и безбородый, совсѣмъ еще мальчикъ, но мальчикъ, видно бывалый въ городахъ.

— Да, вы, сказалъ Ахметъ Ивановичъ.

— Мы, комитетъ, важно сказалъ чернявый, по лицу похожій на казака.—Комитетъ отъ хутора Разгульнаго, присланный, значитъ, отъ населенія хутора для охраны зимовниковъ.

— Отъ кого же вы будете охранять?

— А чтобы допрежъ времени не растащили.

На шумъ разговора вышелъ Семенъ Даниловичъ, въ старой шапкѣ и нагольной шубѣ, одѣтой на рубаху.

— А, когда время придетъ, значитъ и растащить можно, сказалъ онъ пришедшимъ.

— Это намъ неизвѣстно, уклончиво бѣгая глазами по сторонамъ, сказалъ чернобровый.—Это, уже, какъ народъ порѣшитъ.

— Та-акъ, задумчиво проговорилъ Семенъ Даниловичъ, — какъ народъ порѣшитъ. А васъ кто избралъ, какія у васъ полномочія?

— Это мандаты то чтоль вамъ нужны? — сказалъ самый солидный изъ нихъ съ петлицами артиллериста на шинели, — извольте, получите, это мы понимаемъ. Только будьте безъ сумлѣнія, потому дѣло чистое, безъ обманное. Постановленіе трудового казачества, крестьянства и военноплѣнныхъ германцевъ хутора Разгульнаго.

— Военноплѣнные то тутъ причемъ? съ удивленіемъ спросилъ Семенъ Даниловичъ.

— По принципу всеобщаго равенства, провозглашенному трудовой демократіей на основахъ интернаціонала и самоопредѣленія народностей, быстрой скороговоркой произнесъ молодой солдатъ.

Артиллеристъ подалъ бумагу, въ которой безграмотно и нескладно было изложено, что, по постановленію общаго собранія гражданъ хутора Разгульнаго, исполнительный комитетъ этого хутора выдѣляетъ изъ своей среды шестерыхъ товарищей — двухъ отъ крестьянскаго населенія, двухъ отъ казачьяго и двухъ отъ военноплѣнныхъ германцевъ для наблюденія за сохранностью Топольковскаго зимовника и за цѣлостью всего его инвентаря.

— Дѣло чистое, повторилъ артиллеристъ, принимая бумагу обратно отъ Семена Даниловича. — Потому сами понимать изволите, какъ земля тру-

довому народу, то народъ и озабоченъ этимъ самымъ закономъ.

— Проведеніемъ въ жизнь этого, самаго драгоцѣннаго завоеванія народной революціи, выпалилъ горожанинъ.

— Хорошо то оно хорошо, серьезно проговорилъ Семенъ Даниловичъ, но вѣдь вы вѣроятно знаете, что это земля войсковая и арендована мною для нуждъ государства, что, значитъ и земля не моя, и лошади не мои, а государственныя.

Тупое, равнодушное выраженіе разлилось по лицамъ комитетскихъ и Семенъ Даниловичъ почувствовалъ, что его слова не дошли до нихъ, что имъ, хотя колъ на головѣ чеши, а что они постановили, такъ и будетъ, а постановили они, конечно, и землю и имущество подѣлить.

— Это намъ неизвѣстно, товарищъ, — сказалъ чернобровый. Какія такія государственныя земли и лошади государственныя намъ непонятно. Теперича все народное и народъ — владѣлецъ всему.

— Но вѣдь народъ, какъ коллективное цѣлое, а не какъ граждане хутора Разгульнаго, или Забалочнаго, вѣдь это же понимать надо, — началъ было говорить Семенъ Даниловичъ, но городской перебилъ его.

— Товарищъ, вы насъ не учите. Мы сами отлично понимаемъ, что надо дѣлать. Довольно мы вами учены то были.

— Вы лучше вотъ что, покажите гдѣ намъ помѣститься, мы стѣснять васъ не желаемъ.

— А помѣщайтесь, гдѣ хотите, раздражительно сказалъ Семенъ Даниловичъ и ушелъ съ крыльца въ комнаты.

Точно широкая и высокая, толстая непроницаемая каменная стѣна стала между нимъ и населеніемъ ближайшихъ хуторовъ. Онъ многихъ тамъ зналъ, въ особенности стариковъ, и его знали. И никто изъ этихъ знакомыхъ степенныхъ казаковъ, или крестьянъ не пріѣхалъ къ нему. Сколько разъ выручалъ онъ ихъ! То лошадь дастъ для сына, идущаго на службу, то сѣменами ссудитъ, то сѣна весною уступитъ. Куда они попрятались эти, всѣми уважаемые сѣдобородые старики, домовитые, богатые и разумные, съ которыми такъ пріятно было поговорить о дѣлахъ? Пріѣхала зеленая молодежь. «Хронтовики», какъ называли въ степи казаковъ, прибывшихъ изъ дѣйствующей арміи. Говорить о такомъ важномъ хозяйскомъ дѣлѣ пріѣхали люди не знающіе хозяйства. Тотъ, молодой и самый дерзкій, конечно, никогда не пахалъ. Вершить судьбы искони казачьей степи, казаками завоеванной и кровью казачьей политой прибыли солдаты и нѣмцы. Особенно эти нѣмцы возмутили Семена Даниловича. Имъ то что до казачьей степи и до Русской кавалеріи и ея ремонтовъ!

Старикъ сидѣлъ на мягкомъ креслѣ подъ портретами лошадей, былой и настощей славы зимовника и чувствовалъ, что его значеніе, его вліяніе, тотъ почетъ, которымъ онъ всегда былъ окруженъ въ степи, исчезли. Что изъ нужнаго и уважаемаго

въ степи человѣка, изъ гордаго хозяина степи онъ вдругъ сталъ никто. Лишній, вредный человѣкъ... Буржуй...

Горькая усмѣшка скривила его губы. Въ головѣ проносились картины прошлаго. Вставанье съ солнцемъ лѣтомъ и поѣздки въ степь на работы. Онъ молодой, тридцатилѣтній хозяинъ, босой, въ рубахѣ, съ косою, становится послѣднимъ въ линіи наемныхъ косарей. И ужъ косилъ онъ лучше всѣхъ, по хозяйски. И коситъ и коситъ онъ, отъ зари до зари, не зная усталости...

Буржуй!..

Сгущались сумерки. Невидными стали изображенныя на фотографіяхъ лошади, темнота вползла въ углы и тянулась съ потолка. По сосѣдству, въ столовой гремѣла чашками Савельевна, собирая пятичасовой чай, а Семенъ Даниловичъ все сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ и кривая усмѣшка бороздила его щеки...

Вся жизнь въ этомъ домѣ, своими руками построенномъ. Тополя, что стѣною окружаютъ загородку сада, онъ самъ выписывалъ, самъ садилъ, роя для нихъ лунки. И яблони, и груши, и жасминъ, и бисерное дерево — все имъ посажено. Тутъ раньше была степь, голая, безлюдная, съ пересыхающимъ ручьемъ, тихо текущемъ по солонцоватому дну. Сколько разъ онъ разорялся и закладывалъ зимовникъ, искалъ ссуды и возрождался снова при урожаѣ, послѣ удачной поставки лошадей.

Сорокъ лѣтъ въ степи и степь назвала его презрительно грубой и непонятной кличкой «буржуй»...

Эта кличка, какъ комъ грязи, пущенный сильной и мѣткой рукою пристала къ нему и обмазала и загрязнила его. Старуха Савельевна и та его этимъ незаслуженнымъ именемъ окрестила. Онъ слышалъ, какъ она плакала и причитала за обѣдомъ — «и, куда то мы дѣнемся всѣ, старые, да убогіе, коли они всѣхъ «буржуевъ» переведутъ. Кто то насъ сирыхъ и убогихъ прокормитъ, кто пожалѣетъ насъ!»..

Народъ!

Нѣтъ, тотъ народъ, который поднялся войною въ степи не пожалѣетъ этихъ старыхъ безпомощныхъ людей. Онъ жестокъ, какъ стихія.

— Батюшка, баринъ, Семенъ Данилычъ, —да гдѣ же ты, родненькій, притаился. Чай то уже заваренъ. Иди, родимый, пить, — ласково проговорила старуха, заглядывая въ гостиную.

Семенъ Даниловичъ стряхнулъ свои думы и пошелъ тяжелою поступью къ чайному столу.

V.

Комитетчики недаромъ пришли на зимовникъ налегкѣ. Они расположились въ немъ, какъ хозяева. Все имъ подай, да положь. Потребовали отъ Савельевны кровати и постели, потребовали бѣлье и одѣяла, и кормить себя приказали, какъ господъ.

— Да, какъ же это такъ, Семенъ Даниловичъ, возмущалась Савельевна, — да какъ же давать то имъ, оголтѣлымъ. Да по какому такому праву, что они господа что-ли!

— Да дай имъ, Савельевна, чортъ съ ними, — вяло говорилъ Семенъ Даниловичъ, — теперь они господа надъ нами.

Онъ осунулся и опустился за эти дни.

Комитетчикамъ до всего было дѣло. Съ ранняго утра и до поздней ночи рыскали они, то по двору, то по дому, заглядывали въ самые глухіе уголки экономіи, на конюшни, ѣздили то въ табунъ, то на пахатные участки, считали быковъ и овецъ, записывали машины.

Сѣдлалъ ли калмыкъ лошадь, чтобы ѣхать куда либо — они тутъ какъ тутъ. Зачѣмъ сѣдлаютъ, для чего сѣдлаюттъ, кто и куда поѣдетъ, по какому дѣлу?.. Собирался ли самъ Семенъ Даниловичъ выѣзжать — опять они здѣсь. Почему запрягаютъ коляску, а не тарантасъ, или телѣгу? Кто поѣдетъ, куда?.. Плѣнному австрійцу запретили прислуживать Семену Даниловичу, чистить ему сапоги и платье. «Самъ можетъ. Нынче господъ и слугъ нѣтъ»...

Стала чистить ему платье и сапоги старая, дряхлая Савельевна.

Особенно издѣвался надъ «буржуемъ» конноза-водчикомъ самый молодой, безбородый и безъусый «товарищъ Сережа», какъ его нѣжно называли комитетчики. Онъ никогда не былъ «на фронтѣ»,

а служилъ при какомъ то тыловомъ госпиталѣ въ большомъ городѣ, гдѣ и набрался премудрости. До службы судился два раза за кражи и сидѣлъ въ тюрьмѣ, о чемъ гордо разсказывалъ, не упоминая за что онъ сидѣлъ. «Пострадалъ за народъ», говорилъ онъ, скромно потупляя глаза.

Дни шли за днями. Медленные, противные, тягучіе, подъ вѣчнымъ надзоромъ этихъ людей, какъ въ тюрьмѣ подъ стражей. Они ограничили Савельевну въ расходованіи припасовъ, запрещали заколоть курицу, или гуся, выдавали яйца счетомъ, забрали ключи отъ кладовыхъ и отбирали выдоенное у коровъ молоко.

— Это все теперь народное, — говорилъ товарищъ Сережа и намъ надо снестись съ комитетомъ, чтобы онъ установилъ сколько чего давать буржую.

Семенъ Даниловичъ и этого не замѣчалъ. У него пропалъ аппетитъ и равнодушный ко всему, онъ то сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, перелистывая старые журналы, то бродилъ взадъ и впередъ по занесенной снѣгомъ прямой тополевой аллеѣ. Дойдетъ до тына, остановится, оглянетъ мутными глазами широкій просторъ блестящей подъ снѣгомъ степи и идетъ назадъ мрачный, сгорбленный, придавленный тяжкими думами, скорбными мыслями.

Изъ степи шли слухи. Говорила степь.

Страшный и кровавый былъ ея разсказъ.

Коннозаводчика Барабаева арестовали и отвезли въ Царицынъ, имѣніе Меринова разграбили

до чиста, а экономію сожгли, всѣхъ лошадей на трехъ зимовникахъ братьевъ Поляковыхъ забрали «хронтовики» казачьяго полка.

Въ степи находили истерзанные собаками и воронами трупы людей, видимо интеллигентныхъ. Это уничтожали «буржуевъ», «кадетовъ» и «капиталистовъ». Капиталисты эти были очень бѣдно одѣты, были очень молоды и походили на переодѣтыхъ офицеровъ, которые разбѣжались по степи, спасаясь отъ своихъ казаковъ и солдатъ, съ которыми они три года провели въ окопахъ въ суровой обстановкѣ міровой войны.

Кровавый пожаръ охватилъ тихую степь и страшнымъ вихремъ безумія носился по ней отъ зимовника къ зимовнику.

VI.

— Бачка, ты спишь?..

Калмыкъ Ашака стоитъ надъ постелью Семена Даниловича. Въ комнаттѣ тихо. Ставни закрыты вплотную. Темная непогожая ночь на дворѣ.

Семенъ Даниловичъ проснулся. Онъ теперь спалъ чуткимъ, сумеречнымъ сномъ, безъ сновидѣній. Сквозь сонъ слышалъ онъ, какъ вылъ и стоналъ вѣтеръ въ степи, какъ шумѣли сухими сучьями тополя и дребезжали вьюшки въ печной трубѣ. Но приходъ Ашаки прослушалъ.

— Что случилось? садясь на постель спросилъ онъ.

— Худо есть, бачка. Очень худо есть. Тебя арестовать, тебя убить хотятъ. Утромъ придутъ изъ Разгульнаго люди. Сейчасъ въ комитетѣ много народа есть. Ночью пріѣхали съ подводами, всѣ вооруженные. Съ утра тебя брать, тебя убить, а имѣніе все подѣлить. Сережа ими всѣми руководитъ...

— Что же дѣлать, въ какомъ то отчаяніи своего безсилія, произнесъ Семенъ Даниловичъ.

— Ничего, бачка, великъ Богъ. Я посѣдлалъ тебѣ Комика, а себѣ Крылатаго, уйдемъ въ степь. Степь спасетъ. Къ Уланову уйдемъ..., къ Сархаладыку Костиновичу Камрадову уйдемъ. Къ нему придутъ — дальше уйдемъ. Степь не выдастъ. Много знакомыхъ есть, хорошихъ калмыкъ есть. Бери деньги, бери хорошая одежда, бери немного чего хочешь въ сумки, давай мнѣ.

И увидавъ, что Семенъ Даниловичъ хочетъ зажигать свѣчу, сказалъ.

— Огонь не надо. Увидятъ. Нехорошо есть. Смотрятъ, галдятъ, по двору ходятъ. Насъ не увидятъ. Дождь, вѣтеръ, я знаю какъ пройдти. Спокоенъ будь...

Ахъ, это бѣгство изъ своего дома! Изъ дома, своими руками построеннаго, гдѣ прожито сорокъ лѣтъ жизни, и такъ много передумано!

Бѣгство отъ своихъ! Бѣгство шестидесяти пятилѣтняго старика отъ смерти!

Да уже не проще ли умереть? Все одно недолго жить.

Но старая бодрость степного волка проснулась въ Семенѣ Даниловичѣ и быстро, увѣренными движеніями, несмотря на темноту одѣлся онъ, натянулъ дорожные сапоги, положилъ револьверъ въ карманъ, запряталъ на грудь деньги, и сказалъ Ашакѣ — «ну, идемъ!»...

Холодный вѣтеръ и дождь охватили ихъ за стѣнами дома. Въ сумракѣ ночи, сквозь полосы дождя желтыми квадратами свѣтились окна хаты для пріѣзжающихъ, гдѣ помѣщался комитетъ и избы, гдѣ жили рабочіе. При свѣтѣ этихъ оконъ были видны силуэты повозокъ и лошадей, стоявшихъ на дворѣ. И сквозь вѣтеръ и бурю слышно было горготаніе толпы у домовъ — грр... грр... грр...

— Иди, бачка, за мною, сказалъ Ашака и пошелъ впереди Тополькова.

Какъ воръ крался старый хозяинъ вдоль сада, укрываясь тыномъ, потомъ спустился къ пруду, и шелъ за калмыкомъ подъ ветлами вдоль гребли, надъ самой водой.

— Осторожно, бачка, не оборвись, — шепнулъ ему калмыкъ. — На мосту у нихъ сторожъ былъ.

Они прошли мимо моста, взобрались на плотину по топкому и скользкому чернозему и уже смѣло зашагали по степи къ двумъ темнымъ силуэтамъ посѣдланныхъ лошадей.

Ихъ держала молодая калмычка, дочь Ашаки.

Тихо, ловкимъ, привычнымъ движеніемъ степного наѣздника поднялся Семенъ Даниловичъ на стремя и мягко опустился въ подушку сѣдла.

— Готово? раздался тихій голосъ Ашаки.

— Готово, отвѣтилъ Семенъ Даниловичъ.

— Ну, айда за мной...

Темная степь поглотила ихъ въ своихъ холодныхъ и мокрыхъ объятіяхъ и окутала порывами злобнаго вѣтра...

VII.

Эти дни скитаній Семенъ Даниловичъ провелъ въ какомъ то отупѣніи. Это не была та свободная жизнь, которую онъ такъ цѣнилъ и такъ любилъ. Оторванный отъ родного гнѣзда, онъ, привыкшій имѣть все «свое», жилъ чужимъ и по чужимъ людямъ. И это еще было бы полъ бѣды, его отлично принимали калмыки, какъ дорогого гостя, холили, угощали, но только онъ обживется день, два, какъ ему приходилось уѣзжать и искать новаго пристанища, другого гостепріимнаго хозяина. За то, что онъ помогалъ лошадьми и хлѣбомъ выборному войскомъ Атаману, его объявили «внѣ закона». Хуторяне знали, что онъ увезъ съ собою деньги и за нимъ охотились, какъ за богатой добычей, забрать которую можно совершенно безнаказанно. По степи бродили шайки совѣтскихъ дружинъ и вольныхъ охотниковъ за черепами, избивавшихъ отставшихъ «кадетовъ», «капиталистовъ», «помѣщиковъ» и просто «буржуевъ» и тихая задонская степь уподобилась преріямъ Америки, временъ ея завоеванія.

Но — тянуло и, ахъ, какъ тянуло, къ себѣ, на зимовникъ, гдѣ осталось слишкомъ сорокъ лѣтъ упорнаго труда и гдѣ любовью билось къ лошадямъ всѣ эти сорокъ лѣтъ его, не знавшее другой любви, сердце. Посмотрѣть — уцѣлѣли ли жеребцы, узнать пощадили ли жеребыхъ матокъ и годовиковъ, осталось ли хотя что либо отъ бившей жизнью, какъ горный ключъ, его экономіи, гдѣ каждый гвоздь, каждая машина, каждый амбаръ годами обдумывался и создавался при непосредственномъ его участіи.

Первые два дня онъ провелъ у Сархаладыка Камрадова. Богатый калмыкъ разставилъ для него свою лучшую кибитку, съ печкой и широкою кроватью съ пружиннымъ матрацомъ, поилъ его чуднымъ кумысомъ и давалъ удивительное кислое молоко. Онъ зарѣзалъ для него самаго жирнаго барашка и часами сидѣлъ въ пестромъ, на бѣличьемъ мѣху халатѣ у Семена Даниловича, смотрѣлъ на него косыми глазами и говорилъ короткими, продуманными фразами, которые рѣзали истерзаное сердце Тополькова.

Обѣдъ оконченъ. Выполосканы въ мѣдномъ тазу жирныя руки — ѣли руками, обтерты чистымъ полотенцемъ, и гость и хозяинъ сидятъ на пестромъ коврѣ на маленькихъ скамеечкахъ передъ невысокимъ столомъ, накрытымъ чистою, пестрою въ узорахъ скатертью. Въ круглыхъ, толстаго фарфора, чашкахъ поданъ чай, изъ уваженія къ гостю не калмыцкій, сваренный съ бараньимъ

саломъ, а Русскій и къ нему старые леденцы и изюмъ.

— Ахъ, что дѣлается, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, — вздыхая говоритъ Сархаладыкъ Костиновичъ.

Семенъ Даниловичъ смотритъ на его большое круглое, какъ луна въ полнолуніе лицо, на которомъ узкіе блестятъ глазки, подъ черными бровями и большой ротъ кривится въ презрительную усмѣшку и ему больно, что калмыкъ смѣетъ презирать Русскій народъ и казаковъ. Смѣетъ ихъ, владыкъ и завоевателей степи, осуждать.

— Сынъ у меня, еще племянникъ, еще жены братъ, еще второй жены племянникъ и два, такъ себѣ, работника, не родня, — загибая толстые пальцы, украшенные перстнями говоритъ Камрадовъ — шесть человѣкъ въ калмыцкій полкъ пошли на защиту Атамана и круга. Какъ не пойдти! Вѣдь сами выбирали, свой атаманъ вѣдь. По закону! Такъ я говорю, или нѣтъ?

Но молчитъ Семенъ Даниловичъ.

— Теперь говорятъ — они измѣнники. Атаманъ, говорятъ узурпаторъ, — и слова такого не слыхалъ, а они, тѣ новые, настоящая власть. Скажи пожалуйста, гдѣ правда? Почему тотъ, кого все войско избрало — измѣнникъ и у-зур-па-торъ, а тѣ, что сами пришли незванные и непрошенные не измѣнники? Кто же это пойдетъ?

Но нѣтъ отвѣта у Семена Даниловича и онъ тихо, какъ бы въ раздумьи, произноситъ: —

— Сдурѣлъ народъ.

— Сдурѣлъ народъ, повторяетъ Камрадовъ и презрѣніе еще ярче видно на его лицѣ, — сдурѣлъ... Нѣтъ! трусъ, подлецъ народъ сталъ, оттого и вся эта исторія. Намедни пріѣзжаютъ ко мнѣ два казака съ хутора. Спрашиваю ихъ, ну, какъ порѣшили, за кого идете? А они мнѣ отвѣчаютъ — да мы пойдемъ за того, кто силу возьметъ. Большевики, такъ большевики, а не они такъ монархъ, пускай хоть самъ Вильгельмъ приходитъ, намъ это все единственно. Вотъ какой народъ сталъ... Безъ Бога!

— Да, Бога забыли. Теперь молодой то казакъ иной и креста не носитъ и въ церковь заглянуть стыдится...

— Ага, вотъ. Вы надъ нашей вѣрой смѣялись. Хурулъ молъ — пустяки, наши гелюны и манжики вамъ, какъ на театрѣ казались, а мы своего Бога не забыли. И теперь, скажи гдѣ правда? Куда моимъ то шести идти? За кого? Тоже искать, кто сильнѣе будетъ? Ахъ, какъ въ степи живу никогда того въ степи не было и не перенесетъ этого степь! (*)

— Какъ не перенесетъ степь?, спросилъ Семенъ Даниловичъ.

— Ты не знаешь степи, важно сказалъ Камрадовъ, ты сорокъ лѣтъ жилъ въ степи, ты сто лѣтъ жилъ въ степи — мало. Ты ее не знаешь.

(*) Хурулъ — калмыцкій буддійскій храмъ. Манжикъ — священно-служитель, соотвѣтствующій православному дьякону, гелюнъ — буддійскій священникъ.

Калмыки тысячу лѣтъ, больше тысячи лѣтъ живутъ въ степи они ее знаютъ. Степь живая, какъ море. У ней свои законы, своя честность, своя любовь. Степь гостепріимна и степь честная. Твоя лошадь пропала, въ мой табунъ зашла — моя не беретъ. Жеребецъ гонитъ долой, табунщикъ смотритъ тавро — это лошадь Семена Даниловича — отдать ее Семену Даниловичу. Степь грабежа не любитъ. Ты ѣдешь, я ѣду — добрый человѣкъ ѣдетъ, далеко видно, не страшно. Теперь что такое? Этотъ жить можетъ, тому жить нельзя. на дѣтей, на усталыхъ мальчиковъ нападаютъ вшестеромъ, вдесятеромъ на одного, травятъ, какъ зайцевъ, догонятъ, убьютъ. Что же хорошо? При татарахъ того не было. Степь погибнетъ отъ этого.

— Да, погибнетъ, сурово молвилъ Топольковъ, — запашутъ степь. Подѣлятъ и запашутъ.

— И она высохнетъ и не дастъ урожая, въ тонъ ему сказалъ Камрадовъ. — Степь не проститъ обмана.

Тяжело это слушать Семену Даниловичу, но, какъ гость, онъ долженъ слушать.

Погода теплая, солнечная. Весною пахнетъ, небо полно темной голубизны, снѣгъ стаялъ и грязная темнобурая степь дымится парами воды. Жаворонки взлетаютъ наверхъ и поютъ короткую пѣсню, приглашая строить гнѣзда въ расщелинахъ почвы. Короткой зимы, какъ не бывало. Полы кибитки отвернуты и горизонтъ видѣнъ изъ за чайнаго стола.

И далеко далеко, еще Семенъ Даниловичъ и не видитъ, первый узкими своими глазками замѣтилъ Камрадовъ, показалась группа всадниковъ. Что за люди? Свои, или чужіе. Враги, или друзья? И кто теперь свои и кто чужіе? И кто врагъ и кто другъ? Но человѣкъ пятнадцать при оружіи это сила, это угроза, это опасность.

— Я посѣдлаю тебѣ, Семенъ Даниловичъ лошадей и ты съ Ашакой ѣзжай въ балку и тамъ жди, а я узнаю, что за люди и пришлю сказать...

Опять бѣгство, днемъ, на виду у какихъ то людей, чьи намѣренія не извѣстны.

Въ балкѣ сыро и грязно. Грузнетъ кровный Комикъ и безпокойно стоитъ Крылатый. Ашака залегъ на краю въ старомъ бурьянѣ и смотритъ на становище Камрадова. Отдѣлился отъ него всадникъ и рысью побѣжалъ къ балкѣ гонецъ.

Гонецъ мальчикъ киргизъ, внукъ Камрадова.

— Ну что?

— Это они... Враги. Васъ ищутъ, кадетовъ ищутъ. Только, вы уйдете свободно. У нихъ лошади — никуда! Устали. Теперь обыскъ у отца дѣлаютъ. Пулеметы ищутъ, а сахаръ и чай отбираютъ...

Бѣгство. Куда? Куда глаза глядятъ. Степь такъ велика и обширна.

Но тянуло, тянуло, къ родному зимовнику...

VIII.

Однажды тихою морозною звѣздною ночью, когда земля подъ копытами лошадей стучала, какъ чугунъ и трещали тонкія льдинки на лужахъ и на замерших мокрыхъ глубокихъ колеяхъ, Семенъ Даниловичъ подъѣхалъ къ хутору Разгульному и въѣхалъ въ улицы. Хуторъ спалъ. Всѣ ставни были прикрыты и была тишина. Ни одна собака не лаяла.

Онъ проѣхалъ къ дому хорошаго знакомаго, стараго, шестидесятилѣтняго, казака Зимовейскова и постучалъ въ ставню у его окна.

Старикъ сейчасъ же проснулся и испуганнымъ голосомъ спросилъ — «кто тамъ?»

— Это я, Топольковъ.

— Семенъ Данилычъ, что-ль?

— Я.

— Чего ты, ночью то? Аль заблукалъ?

— Пусти заночевать.

— До утра пущу, а утромъ провожу, а то худо бы не было.

— Спасибо и на томъ. Покалякаемъ.

— Эхъ, калякать то о хорошемъ не приходится.

— Одно слово срамъ! Такъ иди-же! Ты какъ лошадьми или верхи?

— Верхи.

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ калмыкомъ.

— Ну, заводи въ ворота.

Загремѣлъ засовъ, распахнулись ворота и Зимовейсковъ встрѣтилъ Семена Даниловича.

Семенъ Даниловичъ поднялся на крыльцо и прошелъ за Зимовейсковымъ въ его комнату.

— Ну, скажи мнѣ, Лукьянычъ, что у меня на зимовникѣ?, спросилъ онъ, садясь на лавку у стола, на которомъ Зимовейсковъ зажигалъ керосиновую лампу.

— Э-эхъ!, съ досадою взмахивая рукою, вздохнулъ Зимовейсковъ и не сталъ говорить.

— Садись, чайку согрѣю. Молока чтоль достать, или сала, суетился онъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Что плохо что-ль?, упавшимъ голосомъ продолжалъ допытывать Семенъ Даниловичъ.

— Хуже некуда.

— А что. Сожгли?

— Нѣтъ.

— Да ты разсказывай. Я ко всему готовъ.

— Какъ уѣхалъ ты, все разобрали и по хуторамъ увезли.

— Жеребцы гдѣ?

— Наши взяли.

— И что же?

— Запрягли, стали гонять. Пьяные скакали по хутору, запалили, испортили. Потомъ пришли хохлы съ Забалочнаго, съ Воронковъ, стали себѣ лошадей требовать. Драка была. Стрѣляли... Ну и жеребцовъ порѣшили.

— Какъ порѣшили? еле слышно проговорилъ Семенъ Даниловичъ.

— Да, убили-жъ! Чтобы никому значитъ, ни казакамъ, ни хохламъ. По справедливости.

— А матки?

— Подѣлили. Да уже многія повыкидали. Запрягать стали, бить чѣмъ попало. Сдурѣлъ народъ. И машины дѣлили, тоже драка была. Хотѣли деревья фруктовыя выкапывать, да не знаю выкопали, аль нѣтъ.

— Ну, а комитетъ-что?

— Что комитетъ? ! «Хронтовики» ничьей власти не признаютъ... Что старуха, скоро чтоль чай?, крикнулъ онъ за перегородку.

— Сейчасъ, родимый, отозвалась жена Зимовейскова.

— Чаемъ, Семенъ Даниловичъ напою, накормлю, чѣмъ Богъ пошлетъ, да и ѣзжай съ Богомъ. Прости, Христа ради, нельзя.

И старикъ, понизивъ голосъ продолжалъ:

— У меня, внизу, писарья полковые. Проснутся, дознаютъ, что ты у меня... бѣда. И тебѣ и мнѣ не сдобровать. Тутъ одинъ другому... такой сыскъ! всѣ чего то боятся, никто никому не вѣритъ.

— Да, вчера у Сархаладыка Камрадова въ кибиткѣ пулеметъ искали.

— Боятся.

— Да чего же они то боятся?

— А всего. Все имъ снится опасность. Тутъ сколько мальчиковъ кадетовъ, да офицерьевъ, сказываютъ убили.

— За что?

— Противъ народа идутъ.

— Истинное навожденіе.

— Да вотъ поди жъ ты!

Старикъ и радъ былъ дорогому гостю, и боялся чтобы не раскрыли его у него. Онъ все покрикивалъ на жену: — «потише, Матреша, да не греми ты, ради Бога, посудой.

— На ледникъ сходить чтоль за молокомъ то, или въ кладовку?

— Нѣтъ, не ходи лучше, старая, — услышатъ.

— Да, какъ же такъ безъ молока то?, слезливо моргая старыми глазами, говорила старуха.

— Семенъ Даниловичъ проститъ. Экое время, время то какое и гостя принять какъ слѣдуетъ нельзя. Подай, Матреша, хотя варенья къ чаю. Тамъ, кубыть, ежевика у насъ осталась.

Чувствовалъ Семенъ Даниловичъ, что не въ пору онъ гость, и радъ и не радъ ему старый Зимовейсковъ.

Боится!! И горько ему стало. Что онъ? Преступникъ что ли?, прокаженный какой!?

Онъ пилъ блѣдный чай изъ тонкаго стекляннаго стакана. Ему здѣсь каждый кусокъ поперекъ горла становился, но пилъ изъ вѣжливости, чтобы не обидѣть хлопотавшихъ для него ночью хозяевъ. Онъ вяло слушалъ разсказы Зимовейскова.

— Сынъ у меня въ полку. Такъ, что говоритъ: землю дѣлить поровну надо. И хохламъ, и казакамъ одинаково. Потому, и хохлы, говоритъ, такіе же граждане. Что же, говорю я ему, отъ казаковъ, значитъ, землю отбирать будете? — Да, говоритъ, придется... Вотъ оно дѣла то какія!..

— Ну, а старики какъ?, спросилъ Семенъ Даниловичъ.

— Молчатъ. Что же подѣлаешь. Ихъ сила. Всѣ они оруженные, да злые такіе. На отцовъ кричатъ! Имъ что! Они и отцовъ побьютъ.

— Значитъ боитесь?

— Боимся, тихо сказалъ Зимовейсковъ.

— Пропалъ, значитъ Донъ.

— Значитъ пропалъ, тупо повторилъ старый казакъ.

И было опять ощущеніе, что какая то высокая каменная непроницаемая стѣна встала между нимъ, коннозаводчикомъ Топольковымъ, и хуторянами.

Семенъ Даниловичъ допилъ чай, всталъ, поблагодарилъ хозяевъ и сталъ прощаться. Его не удерживали.

— Прости, Христа ради, говорилъ Зимовейсковъ. — Разсвѣтъ скоро. Не увидали-бъ.

Распахнулись ворота, неохотно вышли изъ нихъ нуждавшіеся въ отдыхѣ кони и пошли по уличкѣ изъ хутора.

Выѣхавъ въ степь Семенъ Даниловичъ свернулъ цѣлиною на свой зимовникъ.

IX.

Въ блѣдномъ туманномъ разсвѣтѣ весенняго дня замаячили вершины тополей, показались черныя раскидистыя вѣтви яблонь и грушъ фруктоваго сада и темнокоричневая желѣзная крыша дома. Потянулись соломенныя крыши сараевъ и службъ, тынъ и за нимъ корявыя ветлы надъ греблей. Все, какъ было.

Комикъ прибавилъ шага, почувствовавъ близость дома и коротко заржалъ.

— Домой, бачка, поѣхалъ, сказалъ калмыкъ.

— Домой, куда же больше.

Стало свѣтло. Поднявшееся солнце было невидно за туманомъ, но чувствовалось, что скоро ярко заблеститъ оно съ высокаго голубого неба и настанетъ теплый весенній день.

Тихо на зимовникѣ. Не идутъ съ гоготаньемъ гуси къ водѣ, не поютъ пѣтухи и не видно на грязномъ базу застывшихъ, какъ изваянія, буро красныхъ воловъ.

Топольковъ въѣхалъ въ усадьбу. Пусто. Тамъ и тамъ валяется гусиный пухъ, головки и крылья куръ. Мертвый полуоглоданный собаками рыжій жеребенокъ лежитъ въ углу. Всѣ ворота сараевъ и конюшень открыты и всюду пусто. Видѣнъ только соръ. Валяются клочья соломы, сѣна, у кладовой просыпана мука, лежатъ разбитые боченки и кадки.

На конюшнѣ жеребцовъ остались только солома и навозъ.

Семенъ Даниловичъ слѣзъ съ лошади и приказалъ калмыку завести ее въ денникъ и разсѣдлать, а самъ пошелъ къ дому.

Тамъ тотъ же безпорядокъ. Въ гостинной на полу лежатъ разбитыя рамки отъ фотографій, разорваны портреты.

Книги и журналы растрепаны и разбросаны по полу. Въ кабинетѣ желѣзная касса разбита и лежитъ въ кучѣ мусора. Платье, бѣлье, двухствольное охотничье ружье исчезли.

Вдругъ раздались по комнатамъ быстрые шаркающіе шаги, костлявые пальцы впились въ локоть Семена Даниловича и горячія слезы оросили его руку вмѣстѣ съ сухими поцѣлуями.

Савельевна....

Простоволосая, съ растрепанными прядями сѣдыхъ космъ, съ раскрытой шеей, худая, съ воспаленными горящими голодными глазами... Безумная.

— Баринъ мой, миленькій баринъ, одни мы на бѣломъ свѣтѣ остались и степь не прокормитъ насъ двухъ стариковъ. Ничего, ничегошеньки намъ не осталось! причитала, заливаясь слезами Савельевна. Охъ голодна я старая.

— Постой Савельевна.. У Ашаки есть чай и сахаръ, и сухари и сало, прокормимся покамѣстъ, а тамъ, что Богъ дастъ.

— А ты то родный, не уйдешь?

— Останусь. Ступай! Хлопочи съ Ашакою и себѣ и мнѣ закусить, а потомъ надумаемъ....

«Надумаемъ!»...

Сорокъ лѣтъ кропотливой работы и нѣтъ ничего. Сорокъ лѣтъ борьбы со степью, побѣда надъ нею и побѣжденная степь благословила труды его...

Лежитъ фотографія съ ставки въ 20 кобылъ, снятая въ Москвѣ на выставкѣ семь лѣтъ тому назадъ. Большая золотая медаль и премія конноза водства! Восторги и рукоплесканія публики и гордость Семена Данилыча. «Что вы ихъ изъ глины что ли лѣпили по одному лекалу»... Гдѣ онѣ? Гдѣ эти лошади. А тамъ росли еще лучшія!.. Гдѣ Калліостро, за котораго семь тысячъ заплачено, внукъ знаменитаго Рулера... Гдѣ подобранныя масть въ масть, статья въ статью кобылы? Гдѣ все это неисчислимое богатство лошадинаго царства, равнаго которому нѣтъ ни въ Америкѣ, ни въ Азіи, ни въ Австраліи, да и нигдѣ въ мірѣ. Разрушено и пало это царство и нѣтъ возможности поднять его! Что пропали быки и овцы, что не осталось ни одной курицы, что вывезены до послѣдняго зерна запасы хлѣба, что голодъ надвигается на богатаго хозяина — это пустое. Степь

прокормитъ. Онъ это знаетъ по долгому опыту жизни въ степи. Степь не покинетъ его. Но возстановить расхищенное и уничтоженное лошадиное царство, вернуть этихъ гордыхъ лошадей, которыя на войнѣ догоняли и германца и австрійца! Сотни лѣтъ работы... А гдѣ эти сотни лѣтъ, когда уже немного осталось жить.

И кто разрушилъ?

Свои...

Они разрушили всю великую Россію, они уничтожили ея Армію и вмѣсто славы побѣды дали несмываемый позоръ пораженія. Свои... Сами... Своими руками...

Онъ не можетъ сказать: — «Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ, что творятъ»... Силъ нѣтъ.

Они знали... Имъ говорили... Они не вѣрили...

Что же дальше? Голодная смерть среди богатой степи на пустомъ раззоренномъ зимовникѣ, или вѣчныя скитанья по чужимъ людямъ безъ своего угла. Жизнь, какъ птицы безъ гнѣзда, жизнь на вѣткѣ, подъ листомъ.

Въ шестьдесятъ пять лѣтъ!

Семенъ Данилычъ вышелъ на крыльцо.

Степь широко открылась передъ его взоромъ. Подъ блескомъ солнечныхъ лучей она рыжѣла, краснѣла и млѣла подъ голубизною сверкающаго неба. Пѣсни жаворонковъ лились. Могучая и смѣлая лежала она передъ нимъ, обширная, какъ море и какъ море таинственная. Величественное дыханіе

ея вливалось бодростью въ старое сердце. Очарованный ея просторомъ и тишиною, умиленный ея простою красотою онъ сѣлъ на скамью и застылъ въ молчаливомъ созерцанiи вѣчной природы отразившей въ себѣ величiе и премудрость Господа Бога.

Богъ поможетъ! Господь не оставитъ! Степь выручитъ.

Станица Константиновская
февраль 1918 года.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ.

Его поймали съ поличнымъ. Окровавленный ножъ, кривой и острый былъ у него въ рукѣ и онъ его бросилъ, когда его схватили цѣпкія руки солдатъ, толпа нависла надъ нимъ и выволокла на широкую площадь, освѣщенную электрическимъ фонаремъ.

Убійца солдата, мѣткимъ и ловкимъ ударомъ большого кривого ножа распоровшій ему животъ, оказался невысокимъ, коренастымъ человѣкомъ, сильнымъ, — трое рослыхъ солдатъ едва могли его удержать, когда онъ вырывался, — мускулистымъ и ловкимъ. Темное, загорѣлое и грязное лицо имѣло небольшіе черные усы и черную бородку, волосы были коротко острижены и глаза, чуть косые горѣли недобрымъ огнемъ. Онъ одѣтъ

былъ въ старую солдатскую шинель и папаху искусственнаго барашка.

На шумъ драки, на крики толпы прибѣжалъ съ вокзала нарядъ красной гвардіи и матросовъ и плотною черною стѣною окружилъ пойманнаго.

Пойманный зналъ, что его сейчасъ разорвутъ на части, или, въ лучшемъ случаѣ, разстрѣляютъ, но онъ былъ совершенно спокоенъ. Только дыханіе послѣ борьбы было неровное.

И бывалые, видавшіе виды матросы и столичная красная гвардія, опытные въ разстрѣлахъ и казняхъ и видавшіе не разъ казнимыхъ были удивлены, что ни лицо этого солдата не поблѣднѣло, ни глаза не потухли, ни самъ онъ не обмякъ, хотя приговоръ надъ нимъ уже былъ произнесенъ солдатскою толпою и онъ зналъ этотъ приговоръ: — «разстрѣлять!»

Да иначе и быть не могло. Онъ убилъ ночью соннаго товарища. Зачѣмъ? Конечно для того, чтобы ограбить. Убитый былъ цѣнный партійный работникъ, неутомимо ведшій агитацію среди солдатъ по поводу демократизаціи арміи, введенія выборнаго начала, человѣкъ съ тупою непреклонностью крестьянина, проповѣдывавшій ненависть къ офицерамъ и необходимость ихъ истребить на «Еремѣевской» ночи. У такого человѣка должны были быть деньги, полученныя отъ партіи. И этого опытнаго агитатора кривымъ и острымъ ножемъ во снѣ поразилъ этотъ маленькій крѣпкій солдатъ.

Дѣло ясное, не требующее суда — разстрѣлять!

Но уже слишкомъ былъ спокоенъ и не безсознательно тупо, а разумно спокоенъ, обреченный на казнь, чтобы не обратить на себя вниманіе опытныхъ палачей.

Маленькими, умными, проницательными глазами осматривалъ онъ матросовъ и красную гвардію, тѣснившуюся вокругъ него съ винтовками въ рукахъ и какъ будто хотѣлъ что то сказать.

— Товарищъ, обратился къ нему худой, безбородый и безусый матросъ съ испитымъ лицомъ уличнаго хулигана, — какъ же это вы, своего товарища солдата?.. А?... Зачѣмъ-же это... Грабить!

— Нѣтъ, не грабить, — спокойно отвѣтилъ пойманный. — Я никого никогда не ограбилъ.

— Ладно. Такъ зачѣмъ-же убили?

— Это месть.

— Вы его знали?

— Нѣтъ, я его не зналъ. Сегодня первый разъ увидалъ.

— Ишь ты, — раздались голоса въ толпѣ. — Ты, братъ, зубы то не заговаривай, не болятъ. Стройся къ разсчету. Разстрѣлять!.... Чего по пусту возиться — убилъ своего товарища — разстрѣлять и только.

Глухо волновалась толпа. Метались въ сумракѣ ночи худыя косматыя руки, пальцы сжатые въ кулаки, мрачные тупые глаза бросали недо-

брые косые взгляды, надѣяться на помилованіе было невозможно, смерть уже нацѣлилась въ него и готова была схватить его когтистыми руками, а онъ стоялъ все такъ же величаво спокойный. Даже руки сложилъ на груди.

— Я мщу не ему одному. Я его не знаю, я мщу всѣмъ солдатамъ. И этотъ не первый, — сказалъ онъ, когда на минуту стихли крики.

Дѣло принимало особый оборотъ. Вина усугублялась, казнь грозила стать не простымъ разстрѣломъ; возмущенная толпа могла начать избивать его медленно, приближая смерть, увеличивая мученія, а онъ шелъ на это. Шелъ, и все таки былъ спокоенъ.

Коренастый матросъ, въ фуражкѣ съ козырькомъ на затылкѣ и въ хорошо сшитомъ черномъ буршлатѣ, съ большимъ лицомъ, блѣднымъ измученнымъ, на которомъ умно смотрѣли глаза, не то офицеръ, не то боцманъ вышелъ изъ толпы и медленно спросилъ:

— Такъ это не первый, кого вы убиваете? А который?

— Восьмидесятый, невозмутимымъ тономъ отвѣтилъ пойманный.

Ахнула толпа и тѣснѣе сгрудившись придвинулась почти вплотную къ этому солдату. Цифра поразила и ее, привычную ко всякимъ звѣрствамъ.

— Тутъ не мѣсто для шутокъ, — строго сказалъ человѣкъ въ боцманской шапкѣ. — Если вы

говорите о тѣхъ, кого вы убили на войнѣ, это намъ не интересно.

— Нѣтъ, все такъ же спокойно, съ чуть замѣтной усмѣшкой на тонкомъ выразительномъ лицѣ проговорилъ пойманный, — это восьмидесятый русскій солдатъ, котораго я убиваю ночью во время сна все однимъ и тѣмъ же мѣткимъ ударомъ ножа, открывая ему весь животъ.

— Онъ сумасшедшій, — пробормоталъ матросъ въ фуражкѣ боцмана.

— Все равно и сумасшедшаго разстрѣлять. Ишь какой выискался сумасшедшій! Слышьте, товарищи, восьмидесятаго солдата зарѣзалъ... Его не то, что разстрѣлять, замучить надо.

Примолкшая было толпа опять загалдѣла. Кто то сзади, стараясь протискаться ближе прокричалъ: —

— Это что же, товарищъ, вчера ночью на сѣверномъ вокзалѣ солдатику животъ, значитъ, распоротъ, на мѣстѣ уложенъ — ваша работа?

— Моя, отвѣчалъ смѣло пойманный.

— Постойте, товарищи, сказывали въ трактирѣ Севастьянова позапрошлою ночью тоже солдатикъ убитъ. Правда, чтоль?...

— Это я убилъ. Я говорю вамъ, что этотъ — восьмидесятый.

Жадная до крови, привычная къ убійству толпа матросовъ и солдатъ смотрѣла съ любопытствомъ и уваженіемъ на человѣка, отправившаго, по его словамъ, восемьдесятъ солдатъ на тотъ

свѣтъ ударомъ ножа. Даже и по ихъ понятіямъ, даже и въ ихъ мозгу тупомъ и грубомъ эта цифра совершенныхъ злодѣяній производила впечатлѣніе и интересовала ихъ.

— Антиресно выходитъ. Товарищи, ну пущай онъ передъ смертью покается, какъ это онъ, значитъ, восемьдесятъ бѣдныхъ страдальцевъ солдатиковъ уложилъ. А тамъ мы обсудимъ, какъ его за это замучимъ.

Хмурая теплая ночь стояла надъ городомъ. Весь городъ спалъ и только эта черная толпа глухо волновалась и тяжело дыша, наваливаясь другъ на друга, стараясь разсмотрѣть поближе этого замѣчательнаго человѣка, тискала другъ друга и жила сладострастнымъ ожиданіемъ страшной пытки и казни.

— Прежде всего скажите мнѣ, кто вы такой? спросилъ боцманъ.

Пойманный отвѣтилъ не сразу. Онъ задумался, опустивъ на минуту на грудь свою сухую породистую голову, потомъ поднялъ ее и, гордо оглянувъ толпу, сказалъ:

— Я могъ бы соврать. Назвать любое имя. Документъ у меня чужой, солдатскій. Того, перваго, котораго я зарѣзалъ, подъ чьимъ именемъ я живу, но я не хочу этого. Пусть передъ смертью солдатчина знаетъ правду.

Онъ сдѣлалъ паузу. Напряженно пожирая его глазами, тяжело дыша прямо ему въ лицо тѣс-

нились вокругъ матросы и рабочіе-красногвардейцы.

Властнымъ огонькомъ, привыкшимъ повелѣвать и покорять своей волѣ людей, оглянулъ пойманный толпу и спокойно и раздѣльно, громко и отчетливо, выговаривая каждое слово, произнесъ: —

— Я штабсъ-капитанъ Константинъ Петровичъ Кусковъ, офицеръ....

Взрывъ негодованія не далъ ему договорить. Опять заметались въ воздухѣ руки, то сжатыя въ кулаки, то потрясающія оружіемъ и опять раздались жесткіе выкрики:

— Офицеръ!... Ахъ-ты... Это товарищи, разстрѣлять его мало!... Надо-ть убить такъ, чтобы памятно было... своего брата солдата туда сюда, еще и помиловать можно, потому мало ли ежели затмѣніе разума, или темнота наша, а то офицеръ!.... Образованный!...

— Нѣтъ, товарищи, пусть онъ раньше докажетъ за что онъ такъ притѣснялъ... Этакое убійство.

Голоса снова стихли. Жажда услышать что то страшное, выходящее изъ ряда вонъ заставила людей умолкнуть и слушать этого спокойнаго человѣка.

— Разсказывайте что же заставило васъ уничтожить такую массу солдатъ? спросилъ боцманъ.

— Извольте.... Три мѣсяца тому назадъ нашъ полкъ сошелъ самовольно съ позиціи и былъ от-

веденъ въ резервъ въ городъ Энскъ, мой родной городъ, гдѣ у меня жила семья: старуха мать, молодая жена и трое дѣтей. Семью я съ начала войны три съ лишнимъ года не видалъ. Мучительно было стыдно возвращаться домой безъ побѣды, самовольно, какъ дезертиры. Мы, офицеры, пробовали уломать солдатъ, отговорить ихъ дѣлать это, но полкомъ уже правилъ самозванный комитетъ и сдѣлать что либо было невозможно. Офицеровъ не слушали — ихъ оскорбляли...

— Извѣстно, у нихъ завсегда солдаты виноваты. Ихъ послушать, такъ и въ томъ что войну проиграли солдатъ виноватъ одинъ, — раздалось изъ толпы.

— Постойте ,товарищи, дайте слушать.

— А вы, товарищъ, будьте короче.

— Хорошо. Я васъ не задержу. Въ Энскѣ произошли безпорядки. Убили командира полка, почти всѣхъ офицеровъ. Ворвались въ мою квартиру. Искали пулемета. На моихъ глазахъ убили мою мать. Потомъ меня схватили и держали за руки, а надъ моей женой надругались до тѣхъ поръ, пока она не умерла въ объятiяхъ злодѣевъ. Тоже сдѣлали съ моею двѣнадцатилѣтнею дочерью, а сына восьми лѣтъ и дочь четырехъ убили, разрубили на куски. Послѣ этого меня отпустили. Сказали: — смотри и помни солдатскую школу... И я запомнилъ. Нашъ полкъ разошелся и найдти злодѣевъ я не могъ. И я поклялся отомстить всѣмъ тѣмъ солдатамъ, которые смущаютъ душу

солдатскую. Я переодѣлся въ солдатскую шинель, купилъ острый кинжалъ и пошелъ странствовать по рынкамъ, гдѣ продавали солдаты казенное обмундированіе, по вокзаламъ, гдѣ шатались дезертиры, по притонамъ. Я толпился съ солдатами на митингахъ и всюду и вездѣ слушалъ агитаторовъ. И когда я слышалъ призывы къ бунту, къ братанію на фронтѣ, къ убійству начальниковъ я не отставалъ отъ этого человѣка. И въ эту ли, въ другую ночь, на вокзалѣ среди множества спящихъ людей, въ ночлежномъ домѣ, на этапѣ, въ притонѣ я настигалъ его спящимъ и неизмѣнно ловкимъ ударомъ творилъ свою кровавую месть. Я научился дѣлать это такъ быстро, такъ ловко что иногда продѣлывалъ это въ большомъ, плохо освѣщенномъ залѣ желѣзнодорожнаго вокзала тогда, когда по вокзалу ходили люди. Я ждалъ только, чтобы ближайшіе заснули. Я постановилъ уничтожить восемьдесятъ человѣкъ, потому что восемьдесятъ было тѣхъ, которые взволновали нашъ полкъ, творили убійства и насилія. Я не боялся быть схваченнымъ, потому что, что для меня смерть? Ничто. Что для меня мученія, когда я вспомню муки моей жены и дочери, свои муки. Я жажду мученій тѣла. Они дадутъ мнѣ блаженство и искупленіе... Я хотѣлъ только одного, выполнить цифру. Убить восемьдесятъ. И до сегодняшняго дня я берегся и былъ остороженъ. Сегодня этотъ былъ восьмидесятый и я могъ позволить себѣ маленькую роскошь: — подойти и убить спя-

щаго на глазахъ у его бодрствующихъ товарищей... И я могъ бы уйдти.... Меня боялись. Но я бросилъ ножъ. И теперь я жду смерти... Жду мученій.... Я жажду смерти... Я мечтаю о спасительной боли мученій...

Тяжелое молчаніе и прерывистое сопѣніе многихъ ртовъ и носовъ встрѣтило его разсказъ. И была въ этомъ молчаніи тупая неповоротливая дума. Была зависть профессіонала палача къ палачу любителю, перещеголявшему его. Темная мысль говорила, что жизнь для этого человѣка тяжелѣе смерти и что, если наказать, то наказать оставленіемъ жить будетъ наиболѣе мучительною казнью...

На многихъ лицахъ сквозило уваженіе къ этому человѣку, пренебрегшему смертью и убійствомъ. Артисты смотрѣли на артиста.

Сырой сумракъ висѣлъ надъ грязною площадью. Тускло мигали огоньки улицъ предмѣстья, убѣгавшихъ въ черную даль, къ площадямъ и большимъ улицамъ спящаго теперь города, полнаго громадныхъ зданій, дворцовъ, храмовъ, полнаго спящихъ людей.

Штабсъ-капитанъ Кусковъ опустилъ голову и ждалъ, что его схватятъ, ударятъ, начнутъ пытать.

Страшенъ и мучителенъ только первый ударъ, — думалъ онъ, — потомъ наступаетъ отупѣніе, полусознаніе, боль теряетъ свою силу.

И онъ ждалъ этого перваго удара.

Но его не было.

Онъ поднялъ голову. Противъ того мѣста, куда онъ смотрѣлъ, было пусто. Толпа матросовъ и красногвардейцевъ молча, понурившись расходилась по площади.

Онъ понялъ. Безмолвный народный судъ приговорилъ его къ самой жестокой пыткѣ: — **жить**.

Кусковъ снова опустилъ голову на грудь и тихо пошелъ съ площади. Вотъ онъ вошелъ въ узкую тѣсную улицу. Тревожно замаячила по грязи его тѣнь, отброшенная фонаремъ, протянулась до стѣны дома, заколебалась на ней и исчезла. И не стало видно и самого штабсъ-капитана.

Ночныя сумерки поглотили его.

Станица Константиновская
Мартъ 1918 г.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Книги, изданныя заграницей:

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени. — романъ въ 4-хъ томахъ. Изданіе 2-е пересмотренное и исправленное авторомъ.

За Чертополохомъ. — фантастическій романъ въ 2-хъ частяхъ.

Амазонка пустыни. — романъ приключеній. 2-е изданіе.

Терунешь (Любовь абиссинки) — повѣсть.

Поѣздка на Ай-Петри — повѣсть.

Казачья самостійность.

Vom Zaren Adler zur roten Fahne — Historischer Roman.

Od dvuglava orla do crvena barjaka.

ПЕЧАТАЮТСЯ.

Опавшіе листья — романъ въ 4-хъ частяхъ.

Hinter den Disteln — Fantastischer Roman.

From the Two—Headed Eagle to the Red Flap.
